

Е Сянлинь

СМЕХ В ЭМОТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ «ЧЕМОДАН»)

YEH HSIANG-LIN

LAUGH IN THE EMOTIONAL SPACE OF SERGEY DOVLATOV'S STORIES:
ON THE MATERIAL OF THE CYCLE OF STORIES "THE SUITCASE"

В статье рассматриваются особенности смеха в произведении С. Довлатова «Чемодан». Выделяются семь типов смеха как составляющие эмотивного пространства текста, выполняющие в рассказах С. Довлатова разные функции и используемые автором для представления образов персонажей и взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: эмоция; смех; внешнее выражение эмоции; художественное пространство; С. Довлатов.

The article focuses on the specificity of laugh in Sergey Dovlatov's story "The Suitcase". The author offers to classify laugh into seven types, as the components of the literary emotional space, which carry out various functions in representing the images of the characters of Dovlatov's short stories, and their relationships.

Keywords: emotion; laugh; expression of emotion; literary space; Dovlatov.

Е Сянлинь

Кандидат филологических наук,
доцент факультета славистики

Государственный
университет Чжэнчжи

р-н Вэньшань, ул. Чжинань,
2-я секция, д. 64,
г. Тайбэй, 11605, Тайвань

► verayeh@nccu.edu.tw

Yeh Hsiang-lin

National Chengchi University
№ 64, Sec. 2, ZhiNan Rd., Wenshan District,
Taipei City, 11605, Taiwan

Сергей Донатович Довлатов (1941–1990) является одним из наиболее интересных русских писателей второй половины XX века, особенно с точки зрения остроты его языка и тонкости юмора, отражающихся в описании событий, персонажей, их взаимоотношений, действий и отношения к окружающему миру. С. Довлатов как феномен рассматривается в работах мемуарно-биографического характера [5; 13; и др.]. В своей книге «Довлатов и окрестности. Филологический роман» А. Генис справедливо пишет о довлатовском стиле: «В прозе Сергей создал собственную благородно сдержанную манеру, скрытно контрастирующую с безалаберным, ущербным, но безмерно обаятельным авторским персонажем» [5: 9]. Существующие филологические исследования произведений С. Довлатова [7; 9; 10; 11; 14; 15; и др.] показывают продолжительный интерес исследователей к разным аспектам языка и творчества писателя.

Материалом для анализа в настоящей работе послужил цикл юмористических рассказов «Чемодан», выпущенный в 1986 году, спустя 8 лет после эмиграции писателя с семьей в США. Эти рассказы насыщены описаниями внешнего выражения эмоций героев в разных ситуациях. Анализ материала показывает, что наиболее частотные группы — проявление эмоций в речи (*жаловаться, ссориться, поссориться, похвалить, хамить, удивиться, возмущаться, повторять от страха, сухо выговорить*), в выражении лица (*хмуриться, нахмуриться, нахмурить брови, приподнимать брови*), в слезах и плаче (*рыдать, зарыдать, плакать, расплакаться*), в смехе, иронии, язвительности (*смех, смеяться,*

засмеяться, рассмеяться, посмеиваться, улыбка, улыбаться, улыбнуться, хохот, хохотать, захохотать, шутить, пошутить)¹.

В настоящей работе главное внимание уделяется описанию смеха и улыбки как способов передачи настроения в произведении писателя — одного из наиболее активно функционирующих в тексте Довлатова классов слов.

Смех рассматривается как одна из составляющих эмотивного пространства текста Довлатова. Как отмечает Л. Г. Бабенко, в художественном тексте «сосуществуют различные эмотивные смыслы, что порождает богатство эмотивного содержания текста, его эмоциональное многоголосие, полифонизм эмоциональных тонов, отражающих сложную картину мира чувств, создаваемого автором» [2: 250]. В описании внешнего выражения эмоций у героев отражается и авторское восприятие мира. «Текстовые эмотивные смыслы не только передают представление автора о мире чувств человека, но и выражают отношение автора к этому миру, оценивают его с позиций автора» [Там же: 250–251].

В существующей научной литературе приводятся философские рассуждения о смехе и комическом [3; 4], описаны типология и функции смеха [8; 12]. Рассматривая типы смеха и его лексические показатели в произведениях Ф. М. Достоевского, Ю. Н. Караулов и Е. Л. Гинзбург пишут, что смех «должен предстать как своеобразный персонаж, особое действующее лицо, выступающее на страницах произведения в разных обличьях» [6: 160]. В их работе были выделены шесть типов смеха у Ф. М. Достоевского — смех как звучание, смех неверия, смех детский, комический, издевательский, патологический.

Как отмечает Н. А. Орлова, улыбки (смех) в текстах С. Довлатова имеют как интегральные (жест радости), так и дифференциальные признаки, «так как способны передавать широкий спектр положительных, отрицательных и нейтральных эмоциональных состояний людей (персонажей)» [10: 13].

В результате анализа в настоящем исследовании были выделены следующие типы смеха в анализируемом цикле рассказов Довлатова.

1. Улыбка как знак дружеского отношения:

- (1) — Я же не говорю по-фински // — Это неважно. Главное — улыбайся. Я бы сам поехал, но меня тут знают... (КФН);
- (2) Они подняли фужеры и улыбнулись — второй раз за целый день (КФН);
- (3) Я вежливо приподнялся. Майор, без улыбки, кивнул. Видимо, его угнетало несовершенство окружающего мира (ПДК).

В описываемых ситуациях улыбка выполняет коммуникативную функцию, заменяет речь и выражает дружеское отношение к людям, а ее отсутствие при общении с людьми, наоборот, говорит об отчуждении героя во взаимоотношениях с ними.

2. Улыбка как знак согласия:

- (4) Рымарь снисходительно улыбнулся, давая понять, что одобряет названную кандидатуру (КФН).

Как знак согласия улыбка также выполняет коммуникативную функцию и заменяет высказывание. Глагол *улыбнуться* сопровождается наречием *снисходительно*, описывающим отношение героя к высказанному собеседником и служащим в данном примере эмотивной конкретизацией.

3. Смех ситуативный, вызванный комической ситуацией:

- (5) Ленин был изображен в знакомой позе — туриста, голосующего на шоссе. Правая его рука указывала дороге в будущее. Левую он держал в кармане распахнутого пальто. // Музыка стихла. В наступившей тишине кто-то засмеялся. Через минуту хохотала вся площадь. // Лишь один человек не смеялся. Это был ленинградский скульптор Виктор Дрыжаков. Выражение ужаса на его лице постепенно сменилось гримасой равнодушия и безысходности. // Что же произошло? Несчастный скульптор изваял две кепки. Одна покрывала голову вождя. Другую Ленин сжимал в кулаке (НП).

В данном фрагменте описывается случай, парадоксальность которого вызывает заразительный смех в толпе людей. Смех у этих людей контрастирует с отсутствием смеха у скульптора, что подчеркивает противоположность их эмоциональных состояний и выражает ироническое отношение к тому, что было описано в предшествующем контексте: «Заказы такого рода [памятников Ленину] — неистощимы. Опытный скульптор мо-

жет вылепить Ленина вслепую. То есть с завязанными глазами». Описание данного случая, рассчитанное на создание комического эффекта, вызывает также *затекстовый смех*, т. е. смех читателя.

Смех, обусловленный ситуативностью, событийностью, наблюдается также в следующих контекстах:

- (6) — *Хорошо бы, — говорю, — удостовериться, что монумент не рухнул. // — Если рухнет, — сказал Лихачев, — то мы и в пивной услышим. // Цытин добавил: // — Хохоту будет... (НП);*
- (7) *Стоило моему брату произнести любую глупость, как женщины начинали визгливо хохотать. Например, он сказал, закусывая кабачковой икрой: // — По-моему, эта икра уже была съедена. // И все захохотали (ЗШ).*

Эмоциональное впечатление от смеха в приведенных контекстах усиливается благодаря следующей схеме его описания: **авторский комментарий — реплика персонажа — авторский комментарий**. В комментарии того, как женщины хохочут над услышанной комичной фразой, употребляется наречие *визгливо*, конкретизирующее эмотивный глагол *хохотать*, после чего приводится комичная фраза героя, которая повторно комментируется.

В следующих контекстах также описываются реакции героев на комические ситуации или высказывания. В примере (8) герой смеется над своим рассказом об абсурдном сюжете нового фильма, который он собирался снимать, а в примере (9) — над ответом детей, которые на новогодней елке приняли Деда Мороза за Ленина:

- (8) *Шлиппенбах захохотал так, что разлетелись бумажные салфетки (ШП);*
- (9) — *Здравствуйте, дорогие ребята! Вы меня узнаете? // — Ленин! Ленин! — крикнули из первых рядов. // Тут я засмеялся, и у меня отклеилась борода... (ШП).*

В приведенных примерах также наблюдается усиление эмоционального впечатления. Интенсивность смеха подчеркивается с помощью образных описаний: *разлетелись бумажные салфетки и у меня отклеилась борода*.

4. Смех как выражение недоверия по отношению к услышанному:

- (10) *Милиц округлил глаза: // — Холидей? Русский умелец — Холидей? Потомок Левши — Холидей?! Ты шутишь!..*

Что мы знаем о его происхождении? Откуда у него такая фамилия? (ПДК).

Подобно фразе *Ты смеешься?*, устойчивое сочетание *Ты шутишь!*, сопровождаемое описанием мимики удивления у говорящего (*округлить глаза*) и повтором в речи фамилии сомнительного, на его взгляд, человека, служит эмоциональной реакцией на услышанное, которое говорящий не воспринимает всерьез или которому он попросту не верит.

5. Смех как объект целеполагания

В высказываниях персонажей С. Довлатова встречается словоформа *для смеха*, указывающая на намеренность и целеполагание поведения. В примере (11) аргументация целеполагания содержится в контексте *пошутить хотел*, а в примере (12) — в сочетании слов *надо бы* с модальностью необходимости. Смех, вследствие этого, изображается в данных примерах как средство создания парадокса, т. е. цель поведения в приведенных контекстах парадоксальна:

- (11) *Чурилин осторожно шагнул в мою сторону: // — Я пошутить хотел... Для смеха... У меня к тебе претензий нет... // — Еще бы, — говорю (ОР);*
- (12) *Так мы и жили — рядом, но каждый в отдельности. Подарками обменивались в редчайших случаях. Иногда я говорил: // — Надо бы для смеха подарить тебе цветы (ПР).*

6. Смех как выражение радости или веселья:

- (13) *Женщины говорили между собой по-фински. Было ясно, что они недовольны. Затем они рассмеялись, и мне стало полегче (КФН).*

В данном фрагменте смех героев показывает их положительное эмоциональное состояние, и высказывания *они рассмеялись, и мне стало полегче* указывают на воздействие такого смеха на собеседника.

7. Улыбка как маска, скрывающая негативные эмоции:

- (14) *Чурилин молча достал пистолет <...>. // Я продолжал успокаивать его: // — Очнись. Приди в себя. А главное — спрячь пистолет. // <...> Чурилин тем временем опустил предохранитель. Я шел к нему, повторяя: // — Ты просто выпил лишнего. // Чурилин стал пятиться. Я все шел к нему, избегая резких движений.*

Повторял от страха что-то бессвязное. Даже, помню, улыбался (ОР).

В состоянии сильного волнения и страха герой неадекватно реагирует на опасное поведение человека с пистолетом. Улыбка в данном случае не соответствует истинному душевному переживанию героя, а является намеренной, с целью успокоить безумного человека.

(15) *Далее промелькнули родственники с напряженными искусственными улыбками (ПР).*

В примере (15) улыбки родственников на фотографии конкретизируются прилагательными *напряженный, искусственный*, которые служат интерпретацией эмоционального состояния этих людей, обнаруживаемого в выражениях их лиц.

Если рассматривать функции всех приведенных типов смеха/улыбки у С. Довлатова, то можно выделить следующие: коммуникативные, комические, оценочные и маскирующие функции. Проведенный анализ показывает, что наиболее активно проявляющимися дифференциальными признаками смеха/улыбки в текстах писателя являются их комические и коммуникативные функции, реализующиеся при описании смеха как реакции на комические и парадоксальные ситуации, а также психологические функции как показатели дружеского отношения, знака согласия и выражения радости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В группировке используется выделение функционально-семантических классов слов и денотативных классов эмоций, по Л. Г. Бабенко [1].

² Здесь и далее в круглых скобках указываются следующие сокращенные названия произведений С. Довлатова (цит. по изданию: *Довлатов С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2 / Сост. А. Арьев. СПб., 1993*):

КФН — «Креповые финские носки»;

НП — «Номенклатурные полуботинки»;

ПДК — «Приличный двубортный костюм»;

ОР — «Офицерский ремень»;

ПР — «Поплиновая рубашка»;

ЗШ — «Зимняя шапка»;

ШП — «Шоферские перчатки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. М.; Екатеринбург, 2004.

3. Бергсон А. Смех. М., 1992.

4. Боров Ю. Б. Комическое. Или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М., 1970.

5. Генис А. Довлатов и окрестность. Филологический роман. М., 2016.

6. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo ridens // Слово Достоевского: Сб. статей / Ред. Ю. Н. Караулов. М., 1996. С. 160–186.

7. Корюкина Н. В. Комическое в художественном тексте и его межкультурная транслируемость (на матер. произведений М. Зошенко и С. Довлатова и их англоязычных переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

8. Кошелев А. Д. О природе комического и функции смеха // Язык и движение. К 70-летию Л. П. Крыгина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., 2007. С. 277–326.

9. Матвейкина Ю. И. Местоимения в языке современной прозы: функциональный аспект (на матер. произв. В. О. Пелевина и С. Д. Довлатова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

10. Орлова Н. А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: Семиотические механизмы и фольклорная парадигма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010.

11. Самыгина Л. В. Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

12. Склеинис Г. А. Типология смеха в русской литературе (к постановке вопроса) // Альманах современной науки и образования. 2014. № 12 (90). С. 107–109.

13. Соловьев В., Клепикова Е. Путешествие из Петербурга в Нью-Йорк. Шесть персонажей в поисках автора: Барышников, Бродский, Довлатов, Шемякин и Соловьев с Клепиковой. М., 2016.

14. Хлупина М. А. Особенности языковой личности С. Д. Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

15. Шацкая М. Ф. Полипропозитивность как отражение сложной картины мира языковой личности С. Довлатова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2008 г., Челябинск. Т. 2 / Отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск, 2008. С. 382–386.

REFERENCES

1. Babenko L. G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniiia ehmotcii v russkom iazyke [Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language]*. Sverdlovsk. (in Russian)

2. Babenko L. G. (2004) *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza [Philological analysis of the text. Fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis]*. Moscow; Yekaterinburg. (in Russian)

3. Bergson A. (1992) *Smekh [Laugh]*. Moscow. (in Russian)

4. Borev Iu. B. (1970) *Komicheskoe. Ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovliaet cheloveka i utverzhaet radost' bytiia [Comic. Or How Laughter Executes the Imperfection of the World, Cleanses and Renews Man and Affirms the Joy of Being]*. Moscow. (in Russian)

5. Genis A. (2016) *Dovlatov i okrestnost'. Filologicheskii roman [Dovlatov and the Surroundings. Philological Novel]*. Moscow. (in Russian)

6. Karaulov Iu. N., Ginzburg E. L. (1996) Homo ridens. In: Karaulov Yu. N., ed. *Slovo Dostoevskogo: Sbornik statei [The Word of Dostoevsky: Collection of Articles]*. Moscow, pp. 160–186. (in Russian)

7. Koriukina N. V. (2008) *Komiceskoe v hudozhestvennom tekste i ego mezkul'turnaya transliruemost' (na materiale proizvedenii M. Zoshchenko i S. Dovlatova i ih angloiazychnyh perevodov) [Comical Things in the Literary Text and its Intercultural Translatability (On the Basis of the Works of M. Zoshchenko and S. Dovlatov and their English Translations)]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg. (in Russian)

8. Koshelev A. D. (2007) *O prirode komicheskogo i funktsii smekha [On the Nature of the Comical Things and the Function of Laughter]*. In: Zemskaya E. A., Kalenchuk M. L., eds. *Iazyk i dvizhenie. K 70-letiiu L. P. Krysinina [Language and Movement. To the 70th Birthday of L. P. Krysin]*. Moscow, pp. 277–326. (in Russian)

9. Matveikina Iu. I. (2011) *Mestoimeniia v iazyke sovremennoi prozy: funktsional'nyi aspekt (na materiale proizvedenii V. O. Pelevina i S. D. Dovlatova) [Pronouns in the Language of Modern Prose: Functional Aspect (On the Basis on the Works of V. O. Pelevin and S. D. Dovlatov)]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), St. Petersburg State University, St. Petersburg. (in Russian)

10. Orlova N. A. (2010) *Poetika komicheskogo v proze S. Dovlatova: Semioticheskie mekhanizmy i fol'klornaia paradigma [Poetics of the Comical Things in the Prose of S. Dovlatov: Semiotic Mechanisms and Folkloric Paradigm]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Adyge State University, Maykop. (in Russian)

11. Samygina L. V. (2013) *Ironiia kak metatekstovyi fenomen v rasskazakh S. Dovlatova [Irony as a Metatext Phenomenon in the Stories of S. Dovlatov]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), South Federal University, Rostov-na-Donu. (in Russian)

12. Kleinis G. A. (2014) *Tipologiiia smekha v russkoi literature (k postanovke voprosa) [Typology of Laughter in Russian Literature (a Formulation of the Question)]*. In: *Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniia [Almanac of Modern Science and Education]*. Tambov, pp. 107–109. (in Russian)

13. Solov'ev V., Klepikova E. (2016) *Puteshestvie iz Peterburga v N'iu-Iork. Shest' personazhej v poiskah avtora: Baryshnikov, Brodskii, Dovlatov, Shemiakin i Solov'ev s Klepikovo [A Trip from St. Petersburg to New York. Six Characters in Search of the Author: Baryshnikov, Brodsky, Dovlatov, Shemyakin and Soloviev with Klepikova]*. Moscow. (in Russian)

14. Khlupina M. A. (2015) *Osobennosti iazykovoii lichnosti S. D. Dovlatova [Features of the Language Identity of S. D. Dovlatov]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Moscow City Pedagogical University, Moscow. (in Russian)

15. Shatskaia M. F. (2008) *Polipropozitivnost' kak otrazhenie slozhnoi kartiny mira iazykovoii lichnosti S. Dovlatova [Polypropositivity as a Reflection of the Complex Worldview of the Language Personality of S. Dovlatov]*. Proceedings of the IV International Conference "Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh — 2" [Word, Utterance, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects — 2] (Russia, Chelyabinsk, 25–26.04.2008) (ed. L. A. Nefedova). Chelyabinsk, pp. 382–386. (in Russian)

[хроника]

ДИКТАНТ, ЖИВОЙ КАК ЖИЗНЬ

(Окончание на с. 99)

Многие слышали об акции под названием «Тотальный диктант». Некоторые в ней даже участвовали — писали под диктовку текст, созданный специально для акции известным современным писателем. Тотальный диктант придумали и впервые организовали в 2004 году как студенческое мероприятие на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета. Сегодня это глобальный проект, в котором принимают участие более 200 тысяч человек в десятках стран мира. Проводят его около 20 тысяч волонтеров, проверяют — тысячи филологов.

Штаб, координирующий акцию по всему миру, насчитывает 10 человек. Над филологической частью проекта работает Экспертный совет из 18 филологов. Как Штаб, так и Экспертный совет состоят из представителей разных российских и зарубежных городов. Тотальный диктант проходит раз в год — в одну из суббот апреля, — но работа над проектом идет постоянно.

Благодаря современным средствам коммуникации члены Штаба и Экспертного совета всегда на связи, но все-таки иногда лучше встретиться лично — чтобы подвести итоги прошедшего диктанта, обсудить возникшие проблемы, подумать над тем, как их решить. И конечно, наметить перспективы проекта. В начале февраля все встречаются на родине акции, в Новосибирске, на ежегодной конференции «Динамические процессы в современном русском языке». А летом, каждый год меняя место «дислокации», проходит стратегическая сессия Тотального диктанта.

На сессии рождается и обсуждается множество свежих идей. Они кажутся вначале странными, но затем находят воплощение в интересных событиях, в «точках роста» проекта. Так, три года назад организаторы

Тотального диктанта откликнулись на пожелания зарубежных участников: те сетовали на сложность текста для билингвов, не в полной мере владеющих русским языком, но желающих участвовать в акции. Текст упрощать не стали, но организовали особый проект в рамках Тотального диктанта — тест TruD (Т — «тотальный», гу — «русский», D — «диктант»). Тест состоит из заданий, связанных с темой диктанта; составляют их специалисты по русскому языку как иностранному. Выполнив задания, участники могут написать короткий отрывок под диктовку, чтобы почувствовать атмосферу акции. TruD оказался востребованным не только среди билингвов за рубежом, но и среди иностранных студентов в России.

Еще одна идея, которую обсуждали на предыдущих стратегических сессиях, — ежегодный выбор столицы Тотального диктанта. Этот статус будет поощрительным призом для тех городов, где диктант проводят наиболее успешно. Осенью 2017 года идею начали претворять в жизнь. Состоялось народное онлайн-голосование, в ходе которого из шестнадцати городов, подавших заявку на конкурс, выбрали пять финалистов: Владивосток, Иркутск, Красноярск, Тюмень и Таллин. В конце января 2018 года представители этих городов презентовали свои проекты в очном туре на конференции в Новосибирске. Первой столицей Тотального диктанта жюри выбрало Владивосток. Здесь, как и предполагалось, 14 апреля 2018 года свой текст прочитала Гузель Яхина. А до этого, весной 2018 года, состоялся автопробег Новосибирск — Владивосток под названием «Тотальное путешествие».

В 2018 году очередная стратегическая сессия Тотального диктанта состоялась в Челябинской области. Экспертный совет поработал над первоначальным вариантом текста диктанта 2019 года. По итогам этой